

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Кричевцев М.В. — Специальный трибунал на Мартинике: из истории французского колониального правосудия начала XIX в. // Genesis: исторические исследования. – 2023. – № 11. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.11.69135

EDN: VBGFJO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69135

Специальный трибунал на Мартинике: из истории французского колониального правосудия начала XIX в.

Кричевцев Михаил Владимирович

кандидат исторических наук

доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления

630099, Россия, Новосибирская область, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1

✉ cm.martellus@gmail.com

[Статья из рубрики "История права и государства"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2023.11.69135

EDN:

VBGFJO

Дата направления статьи в редакцию:

23-11-2023

Дата публикации:

30-11-2023

Аннотация: В центре внимания в данной статье находится специальный трибунал – особый судебный орган, учрежденный во французской колонии Мартиника в 1803 г. Он был создан для проведения уголовной репрессии в отношении черных рабов, обвиняемых в отравлениях, поджогах, краже лодок и пирог для совершения побега. Главной целью исследования является определение правовых основ организации специального трибунала на Мартинике и выявление его особенностей по отношению к специальным трибуналам, существовавшим в метрополии с 1801 и 1802 гг. Вопрос о соотношении данных трибуналов в колонии и в метрополии представляется малоизученным в историографии. Предметом исследования в работе выступает эволюция специального трибунала в период французского правления на острове – от учреждения суда до потери французами контроля над Мартиникой в 1809 г. Для работы

над темой были привлечены документальные материалы Национальных архивов заморской Франции, опубликованные законодательные акты и акты министров Наполеоновской эпохи, акты администрации острова из «Кодекса Мартиники». В исследовании были применены метод конкретно-исторического анализа, сравнительно-правовой анализ юридических документов и структурно-функциональный анализ судебных органов. В результате исследования можно прийти к выводу об изменении компетенции специального трибунала Мартиники в сторону ее расширения на протяжении трех этапов в 1803–1809 гг. Из органа репрессии исключительно для рабов он постепенно превратился в чрезвычайный суд для рабов и для свободных цветных людей, а затем и для любых бродяг без места жительства и признания. К его ведению стали относиться опасные преступления государственного характера. Сравнение трибунала со специальными трибуналами, созданными в метрополии в 1801 и 1802 гг., не подтверждает полного заимствования судебного права от метрополии при организации колониального суда и свидетельствует в пользу оригинальности колониального правосудия. Однако сходные черты в составе данных органов и в порядке судебной процедуры позволяют говорить об общих тенденциях в развитии судебных систем во всей Французской империи, в метрополии и в колониях, выразившихся в создании органов чрезвычайной юстиции, альтернативных судам общей юрисдикции.

Ключевые слова:

Мартиника, колонии Франции, Консулат, Первая империя, рабство, специальный трибунал, чрезвычайное правосудие, отравление ядом, убийство, смертная казнь

Колониальное господство Франции в Вест-Индии на Антильских островах началось еще в XVII в. Одним из островов была Мартиника, которая до сих пор является французским заморским департаментом. В 1794 г., в разгар Великой революции остров был захвачен Англией, но в результате побед Наполеона при заключении Амьенского мира в 1802 г. снова возвращен Франции. Передача острова под французское крыло носила знаковый характер, так как супруга первого консула Французской республики креолка Жозефина Бонапарт была родом с Мартиники.

Основу плантационного хозяйства на Антильских островах, поставлявшего на экспорт сахар, кофе и др. продукты, традиционно составляло использование рабского труда. Понимая важность сохранения рентабельности данного производства, Наполеон восстановил рабство в вест-индских колониях Франции, отмененное якобинцами в 1794 г. Оно было поддержано и на Мартинике, где существовало в годы правления англичан. Возрождение рабовладения во французской Вест-Индии спровоцировало массовое движение негритянского населения за освобождение от власти колонизаторов и плантаторов-рабовладельцев. Его центром стал о. Сан-Доминго (Гаити), где повстанцам удалось создать собственное государство, независимое от Франции. На Мартинике же французская власть продолжала сохраняться до 1809 г., когда остров был снова захвачен англичанами. В условиях социальной нестабильности и постоянной внешней угрозы со стороны Великобритании колониальное руководство Мартиники вынуждено было использовать особые средства для подавления рабов, в том числе органы юстиции. Одним из инструментов репрессии стал специальный трибунал, учрежденный на острове в конце 1803 г.

История трибунала в период 1803–1809 гг. уже привлекала внимание исследователей. В

разное время о нем писали С. Даней, И. Деббаш, А. Никола, Л. Трани, А. А. Луи [\[15, p. 63, 124, 238, 239\]](#), [\[16, p. 174, 175\]](#), [\[23, p. 294, 296\]](#), [\[24\]](#), [\[19, p. 503, 504\]](#). В отличие от других исследований, которые дают лишь самые общие представления, сочинение Л. Трани о Мартинике Наполеоновского времени содержит развернутое описание специального трибунала и производства дел в отношении рабов [\[24, p. 270–276\]](#). Однако история суда в его изображении достаточно статична. Она не учитывает изменений в компетенции трибунала в период с 1803 по 1809 г., что составляет серьезный недостаток проведенного анализа. Как правило, авторы склоняются к определению специального трибунала на Мартинике как военного суда, наделенного чрезвычайной юрисдикцией. Однако они не ставят своей задачей сопоставление его со специальными трибуналами, созданными в метрополии в 1801–1802 гг. Лишь И. Деббаш (в 1963 г.) вскользь писал о влиянии права метрополии на формирование трибунала Мартиники [\[16, p. 175\]](#). Интерес для данной темы представляет и работа Б. Майяра о специальном трибунале на Гваделупе, другой колонии Франции в Вест-Индии. Он обратил внимание на сходство в организации специальных трибуналов Франции и Гваделупы. Как он пишет: «очевидно, нормативный текст (постановления о создании трибунала на Гваделупе от 3 февраля 1803 г. – М. К.) вдохновлен законом от 18 плювиоза IX г. (7 февраля 1801 г.), установившим специальные трибуналы в департаментах метрополии...» [\[20, p. 51\]](#). По аналогии можно усмотреть подобное и в праве Мартиники. Поскольку данный вопрос о заимствовании судебного института метрополии подробно не освещался в научных исследованиях, есть основание для его рассмотрения в предлагаемой статье. Обращение к теме трибунала Мартиники обусловлено также отсутствием специальных исследований в отечественной научной литературе. В целом же тема представляется интересной и перспективной для изучения связей колониального права с правом метрополии в рамках Французской империи, а также для понимания расовой политики во Франции Наполеоновской эпохи.

Главной целью исследования является определение правовых основ организации специального трибунала на Мартинике и выявление его особенностей по отношению к специальным трибуналам метрополии. Для достижения указанной цели в статье предлагается рассмотреть основные нормативно-правовые акты 1803–1809 гг., связанные со специальным трибуналом колонии; определить состав суда и порядок производства дел в трибунале; выявить этапы в становлении его компетенции; провести сравнительный анализ со специальными трибуналами метрополии 1801 и 1802 гг. Предметом исследования в работе выступает эволюция специального трибунала в период французского правления на острове – от учреждения суда в 1803 г. до потери французами контроля над Мартиникой в 1809 г. Объектом изучения является судебное право, определявшее организацию и формы производства уголовных дел в специальном трибунале колонии и специальных трибуналах метрополии.

Для исследования были привлечены материалы Национальных архивов заморской Франции (Archives nationales d'outre-mer – ANOM), фотокопии рукописных и печатных документов (акты колониальной власти, решения специального трибунала Мартиники, материалы служебной переписки); опубликованные (аутентичные) акты законодательства и акты отдельных министров начала XIX в.; акты администрации острова, собранные в «Кодексе Мартиники» [\[13\]](#), [\[14\]](#). При работе над темой был применен метод конкретно-исторического анализа, проведены сравнительно-правовой анализ юридических документов и структурно-функциональный анализ судебных органов.

Для понимания особенностей колониального правосудия в отношении рабов следует

хотя бы в общих чертах обрисовать правовой статус раба. Восстановив в 1802 г. рабство в колониях Франции, Наполеон возобновил одновременно действие прежних норм, применявшихся к рабам на момент начала Революции в 1789 г. Соответственно в заморских владениях стали снова действовать положения Черного Кодекса (Code Noir) 1685 г. и последующих королевских нормативных актов. В праве Старого порядка раб рассматривался как «движимое имущество» хозяина, иными словами, как вещь, а не лицо в юридическом смысле [\[18, p. 9\]](#). Это напоминает рабство Древнего Рима с его известным положением «*servi res sunt*» («рабы суть вещи»). Однако в отличие от античного рабства рабы в колониях Франции были наделены определенными правами, которых не могло быть у «вещи» в полном смысле этого слова. В частности, право учитывало религиозные потребности раба, который имел право на крещение и приобщение к вере Христа. Оно также давало рабу право на создание семьи: раб мог вступить в законный брак и иметь детей. Правда, заключение брака требовало согласия хозяина, а родившееся потомство причислялось к его имуществу (а именно: к имуществу господина матери детей, если рабы принадлежали разным хозяевам, что признавалось и римским правом) (о сравнении рабского права Антильских о-вов с правом Рима см.: [\[21\]](#)).

Все произведенное трудом раба входило в собственность господина. В гражданско-правовой сфере раб был неспособен и лишен самостоятельной юридической ответственности. Иначе было в уголовно-правовой сфере. Здесь Черный Кодекс подчинял рабов отчасти действию общих уголовных законов наравне со свободными лицами. Как говорилось в арт. XXXII Кодекса, «рабы могут подвергаться уголовному преследованию без необходимости привлечения стороны их хозяина, за исключением случая соучастия: и названные рабы будут обвинены, судимы в первой инстанции обычными судьями и по апелляции в Верховном Совете по такому же следствию, с теми же формальностями, что и свободные лица» [\[18, p. 8\]](#). За совершенные рабами преступления суды могли назначать им наказания вплоть до смертной казни, но в этом последнем случае хозяину должна была быть выплачена денежная компенсация за утрату имущества [\[18, p. 8, 9\]](#). Черный Кодекс позволял хозяевам и самим применять расправу в отношении рабов: заковывать в цепи, бить розгами или веревками, но без использования пыток и отрезания членов под страхом конфискации рабов и уголовного преследования против господина [\[18, p. 9\]](#). Таким образом, французское право в определенной мере создавало условия для признания личности раба и предоставляло ей юридическую защиту от полного произвола господина. Оно допускало определенное вмешательство публичной власти в сферу отношений хозяина и раба при совершении последним уголовно-наказуемого деяния.

Важная особенность, отличавшая колониальное рабство – его ярко выраженный расовый характер. Античное рабство обычно не делало строгих различий между рабами разной расовой принадлежности, тогда как рабовладение Нового времени основывалось на представлении о неполноценности и неразвитости африканских народов, выступавших объектом эксплуатации белого человека. Идеи расового превосходства французов над черными были ясно выражены в циркуляре морского министра и колоний Дени Декре от 20 июля 1807 г., который максимально ограничил въезд черных и цветных людей обоого пола в метрополию (в соответствии со старым нормативным актом – королевской декларацией от 9 августа 1777 г.). Министр писал, что это наиболее приемлемое средство, «чтобы остановить проникновение во Францию африканской расы, политически недальновидное и скандальное смешение, которое могло из-за этого произойти во французской крови и другие серьезные неудобства, связанные с этой

иммиграцией» [\[10, f. 260\]](#). Другой циркуляр – высшего судьи и министра юстиции К.-А. Ренье от 18 нивоза XI года Республики (далее – г. Р.) (8 января 1803 г.) выражал «намерение правительства» не допускать заключения браков между белыми мужчинами и негритянками и между неграми и белыми женщинами [\[17, p. 449\]](#). Такая правовая идеология создавала во Французской колониальной империи режим расовой сегрегации. Он не был достаточно новым для Франции и опирался в основном на нормы Старого порядка, но был усугублен под воздействием эксцессов Гаитянской революции и враждебных действий черного населения на стороне Великобритании.

В рамках данного режима вполне закономерным стало введение особой юстиции для черных людей, лишенных свободы. Черный Кодекс Людовика XIV установил относительное равенство белых и черных перед уголовным правосудием, однако на Мартинике в начале XIX в. власти попытались уклониться от этого положения и создать особый репрессивный орган в виде специального трибунала.

Необходимость его учреждения на острове генерал-капитан Мартиники и адмирал Л.-Т. Вилларе де Жуайёз обосновал в письме к министру морского флота и колоний Д. Декре от 6 фримера XII г. Р. (28 ноября 1803 г.). Адмирал писал, что вынужден был прибегнуть к этой мере в связи с участвовавшими случаями отравлений, совершаемых неграми-рабами [\[3, f. 112\]](#). Трибунал должен был стать органом подавления негритянской преступности. Постановление о таком суде Вилларе издал 24 вандемьера XII г. Р. (17 октября 1803 г.) [\[4, f. 188–194\]](#), [\[13, p. 626–633\]](#). Акт содержал 37 артикулов и касался разных аспектов состава и компетенции трибунала, порядка ведения процессуальных действий и принятия судебных решений, устанавливал систему наказаний. Специальный трибунал рассматривался в акте как временное учреждение: его действие должно было прекратиться спустя год после заключения мира (очевидно, с Великобританией).

Состав трибунала включал в себя семь лиц: командира жандармерии (председателя на заседании суда), лейтенанта жандармерии, гражданского комиссара того квартала (округа на территории острова), в котором было совершено преступление, заместителя комиссара, одного именитого жителя (*habitant notable*), обладавшего собственностью в том же квартале, а также комиссара правительства и секретаря. Комиссар правительства и секретарь (по представлению высшего судьи Мартиники) назначались генерал-капитаном острова. При отсутствии гражданского комиссара квартала или его заместителя их могли заменить именитыми жителями того же квартала либо соседнего, но обязательно из числа капитанов Национальной гвардии. Такие жители могли быть назначены командиром жандармерии. Функции привратника при специальном трибунале следовало исполнять жандармам.

Круг уголовных дел, подлежавших ведению специального трибунала, определялся в арт. I и II Постановления. Там были обозначены три состава преступления: отравление, поджог, похищение лодок и пирог, совершаемые рабами, которые отныне изымались из ведения обычных судов. Арт. V уточнял, что данные преступления будут преследоваться по должности комиссаром правительства при специальном трибунале на основании обвинения, выдвинутого любым лицом, свободным или рабом.

Порядок досудебного расследования предполагал, что любое лицо, осведомленное о совершенном рабом преступлении должно было сообщить об этом гражданскому комиссару квартала или его заместителю. Комиссар квартала, известив комиссара правительства при специальном трибунале, должен был произвести арест подозреваемого. Последний должен был содержаться под надежной охраной в одном из

кварталов острова (Форт-де-Франс, Сен-Пьер или Трините). Далее комиссар правительства представлял свой акт обличения (*plainte*) командиру жандармерии, который должен был явиться на место для проведения следствия и созвать трибунал в установленный срок. Протокол с определением выявленных улик и результатов осмотра места в случае всех трех составов преступления должен был вести комиссар квартала или его заместитель. В случае отравления также необходимо было присутствие хирурга для обследования трупа жертвы и определения отравляющих веществ. При составлении протокола должны были присутствовать двое именитых лиц. Допрос подследственного следовало производить в течение 24 часов с момента представления обвинения со стороны комиссара правительства. Протокол допроса обязательно подписывался на каждом листе командиром жандармерии, секретарем и уже самим обвиняемым. Свидетели допрашивались под клятвой, отдельно и в отсутствие обвиняемого. Однако в случае возникновения противоречий в показаниях допускалось проведение очных ставок между свидетелями или свидетелем и обвиняемым. При наличии нескольких обвиняемых, возможно было проводить очные ставки также между ними или по отдельности каждого из них со свидетелем. Свидетель, давший ложные показания или изменивший первоначальные слова, подлежал судебному преследованию в обычном суде. По завершении досудебного следствия его материалы должны были быть переданы комиссару правительства. Свои заключения комиссар обязан был затем представить в письменном виде за печатью командиру жандармерии.

На заседание специального трибунала судьи, а также свидетели приглашались особыми письмами от лица комиссара правительства. В качестве свидетеля мог быть вызван раб, но в этом случае письмо адресовалось хозяину раба. Явка по письму и участие в работе трибунала являлись обязательными под угрозой штрафа. Члены суда, призванные в трибунал и не явившиеся без уважительных причин либо отказавшиеся подписать приговор, могли быть наказаны штрафом в 1000 ливров. Свидетели, отказавшиеся явиться по вызову – штрафом в 250 ливров (подлежали штрафу и хозяева рабов при несогласии прислать их в качестве свидетелей). На судебном заседании специального трибунала доклад по делу должен был делать лейтенант жандармерии, отдельные бумаги мог зачитывать секретарь трибунала. Секретарь также должен был сформулировать приговор суда, который обязаны были подписать все судьи вне зависимости от своего мнения по делу. Окончательное решение принималось судьями по большинству голосов (акт 1803 г. не уточнял, какое большинство имелось в виду). Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал. Его следовало сразу огласить подсудимому и немедленно привести в исполнение. Впрочем, по желанию командира жандармерии и комиссара правительства оно могло быть отложено на пять-шесть часов максимум, дабы провести экзекуцию в присутствии групп рабов (очевидно, в целях большего эффекта и устрашения). Требовалось, однако, придерживаться правила, по которому исполнение приговора не могло совершаться после захода солнца. Если приговор пришлось вынести слишком поздно, его следовало огласить подсудимому на следующее утро.

Арт. XXXIV и XXXV Постановления генерала-капитана содержали уголовные нормы, относившиеся к наказаниям, применяемым к рабам. Отравления и поджоги влекли за собой наказание в виде смертной казни. Попытка отравления или поджога при наличии явных действий и приготовлений наказывалась так же, смертью виновного. Однако в случае, если преступник внезапно и «под угрызениями совести» прекратил осуществление преступления, наказание могло быть смягчено решением специального трибунала. Похищение лодок и пирог с целью побега наказывалось смертной казнью для руководителей заговора, а для соучастников установлено наказание галерами

пожизненно. Неудавшаяся попытка совершения этого преступления могла быть наказана менее сурово: для организаторов – пожизненные галеры; для соучастников, по усмотрению трибунала – выставление у позорного столба, тюремное заключение или наказание кнутом. Поскольку раб представлял имущество хозяина, и вследствие присуждения к наказанию господин терял возможность его использования, акт 1803 г. предусматривал выплату денежного возмещения (art. XXXVI). Для этого перед исполнением наказания двое белых жителей (но не родственники хозяина) в присутствии комиссара правительства должны были произвести оценку раба и установить его стоимость. Цена затем должна быть оплачена господину из особой «кассы осужденных рабов» (la caisse des esclaves justiciés).

Последующие нормативные акты островных властей внесли определенные изменения в порядок работы и компетенцию специального трибунала. Так, уже в самом начале действия суда в 1803 г., когда рассматривалось дело об отравлениях на поселении Эйма (l'habitation Eyma), в Ламантене, комиссар правительства при специальном трибунале Деланд (Deslandes) обратился к высшему судье Лефесье Гранпрею с ремонстрацией. Комиссар выражал недовольство по поводу непомерных требований к исполнению формальностей при проведении допросов подозреваемых, необходимости очных ставок между рабами и проч., что могло привести к сильному замедлению процесса (число привлеченных к обвинению лиц могло превысить 25 чел.). Высший судья тогда выпустил свое постановление, согласованное с генералом-капитаном, от 9 брюмера XII г. Р. (1 ноября 1803 г.) [\[5, f. 198–199\]](#). В целях экономии времени решено было производить допросы и очные ставки между обвиняемыми и свидетелями сразу в присутствии всего созданного суда.

В дальнейшем была также значительно расширена юрисдикция трибунала. Постановление генерала-капитана от 24 плювиоза XII г. Р. (14 февраля 1804 г.), состоявшее только из двух артикулов, присвоило трибуналу право судить всех негров-рабов, обвиненных в совершении дезертирства к врагу, вербовке (l'embauchage), шпионаже, посадке на борт вражеских судов и возвращении на территорию колонии. Попытки совершения данных преступлений должны были наказываться так же, как исполненное преступление [\[6, f. 202, 202v\]](#).

В дальнейшем эффективная, с точки зрения генерала-капитана, практика работы специального трибунала привела к необходимости издания нового Постановления от 8 мессидора XIII г. Р. (27 июня 1805 г.), из девяти артикулов [\[14, p. 27–29\]](#). Оно носило системный характер и еще более расширило круг ведения трибунала. Постановление подтвердило подсудность трибуналу дел об отравлениях, поджогах и похищениях рабами лодок и пирог (art. I), а также частично дел, определенных в Постановлении 1804 г. – о дезертирстве к врагу, вербовке и шпионаже в пользу врага (art. VI). Другие артикулы содержали новые составы, которые ранее не подлежали юрисдикции данного суда. В частности, по арт. II к ведению специального трибунала был отнесен раб, участвовавший в мятежных сборищах или пытавшийся подстрекать себе подобных к восстанию, по арт. III – всякий беглый раб, взявший оружие. Указывалось также, что любое правонарушение (délit), совершенное беглым рабом, подлежало рассмотрению трибунала (art. IV). За все преступления, указанные в арт. II, III, VI, Постановление предусматривало смертную казнь (в том числе для беглого раба, схваченного с оружием в руках). Наказание смертью за дезертирство, вербовку и шпионаж могло быть заменено на другое, более мягкое, если было установлено, что раб был вовлечен в преступление силой. Что касается иных преступлений, в частности, совершенных рабом во время побега, специальный трибунал должен был определять наказания сообразно

совершенному нарушению. Серьезное значение имел артикул VIII, который подчинял юрисдикции специальных трибуналов свободных лиц из «цветных людей» (*individu de couleur libre*), обвиненных в совершении дезертирства, вербовки и шпионажа в пользу врага, либо только в попытке их совершения. Исключение составлял случай, когда цветной человек состоял на службе. В этом случае подобные преступления подлежали суду военного совета.

Наконец, еще одно Постановление генерала-капитана от 26 сентября 1806 г. (из двух артикулов) дополнило прежние нормы [\[14, p. 170, 171\]](#). Его появление было вызвано ростом беспорядков в группах рабов, занятых сельским трудом (в так наз. *ateliers*). В целях ужесточения дисциплины, было постановлено, что ведению специального трибунала будет подлежать «всякий сельский раб, обвиненный в мятеже против белого или в нанесении ему удара». Но одновременно была расширена и юрисдикция в отношении свободных людей: отныне ведению трибунала подлежал любой человек без места жительства и признания (*sans aveu*), незаметно появившийся в колонии и обвиняемый в шпионаже, переманивании к врагу или подстрекательстве к мятежу. При этом уточнялось, что цвет кожи обвиняемого значения не имел. Суд должен был применить к нему наказание в соответствии с законами, сообразно совершенному правонарушению. Как видно, данное Постановление 1806 г. привело к утрате специальным трибуналом его исключительно расовой специализации. В целом, опираясь на нормативно-правовые акты местной власти, историю этого суда в эпоху французского правления на Мартинике можно представить в виде трех основных периодов. В 1803–1805 гг. трибунал выступал эксклюзивным средством уголовной репрессии в отношении рабов. Далее в 1805–1806 гг. он являлся судом по тяжким преступлениям для всех черных и цветных людей, рабов и свободных. Затем в 1806–1809 гг. это был суд по тяжким преступлениям не только для черных и цветных людей, но и пришлых маргиналов из числа белого населения.

Практика работы специального трибунала показывает, что одним из самых распространенных преступлений, совершаемых рабами и подлежавших рассмотрению суда, было отравление. Яд был весьма доступным средством, которое рабы могли использовать для осуществления мести или в состоянии отчаяния. Преступники травили прежде всего других рабов или животных. Реже применяли отраву в отношении хозяев: среди негров в прошлом бытовало поверье, что африканские яды на белых действуют слабее [\[22, p. 141\]](#). Отравители могли покушаться в том числе на членов своей семьи. Например, по материалам дела 1807 г., командор поселения Ла Капот (господина Фортье) Алексис подозревался в отравлении собственного сына «в момент злости»; раб-мулат господина Вальмона Базиль отравил дочь; негр Жан-Дени у господина Лейрица решил избавиться от жены и т. п. [\[9, f. 56, 56v\]](#) Любопытно отметить, что для изготовления яда преступники помимо растительных ингредиентов часто использовали останки трупов, извлеченных из могил на кладбище, могли даже приготовить «отвар» на их основе («*bouillon des cadavres*») [\[9, f. 55\]](#).

В приложении к публикации Сиднея Данея по истории Мартиники (1846) имеется документ за подписью королевского прокурора Гуэна (*Gouin*), появившийся уже после повторного захвата Мартиники англичанами [\[15, p. 419–427\]](#). Он показывает количество и содержание приговоров, вынесенных по делам об отравлениях с момента основания трибунала в 1803 и до 1811 г. (орган был сохранен английскими властями). Приведенный список позволяет судить об интенсивности работы суда и суровости использованных наказаний. Общее количество приговоров по делам об отравлениях за

период французского правления в 1803–1809 гг. составило 19. Из них два приговора вынесены в конце 1803 г. (трибунал учрежден в октябре этого года), два – в 1804, два – в 1805, один – в 1806, три – в 1807, восемь – в 1808, один – в январе 1809 г. Что касается наложенных наказаний, то вынесенные приговоры содержали наказание смертной казнью в отношении 58 лиц, наказания другими видами (среди них могли быть галеры, каторжные работы (*la chaîne*, «оковы»), изгнание, пожизненное тюремное заключение и депортация) – в отношении 26 лиц. Значительная часть рабов была также оставлена в подозрении за недоказанность вины. В некоторых случаях речь шла о массовых репрессиях. Например, 2 ноября 1807 г. был вынесен приговор в квартале Басс-Пуант, где 19 лиц были приговорены к смерти, а 9 к другому наказанию; 16 февраля 1808 г. – приговор в поселениях О’Мюллан и Лаграв, в Ламантене, где 11 чел. была назначена смертная казнь. Большинство же приговоров затрагивали судьбу одного или двух преступников [\[15, p. 420-425\]](#). Как видно из приведенных материалов, более интенсивно специальный трибунал рассматривал дела об отравлениях к концу французского господства на острове. Можно предположить, что усилению уголовной репрессии в указанный период могли способствовать возросшая угроза нападения со стороны англичан и их влияние на местное население.

Наиболее резонансным делом в юрисдикции специального трибунала стало дело 1806 г. о попытке убийства одной высокопоставленной особы – тещи императора Наполеона I. Мать императрицы Жозефины Роза-Клэр Таше де Ла Пажери (*Tascher de La Pagerie*) (1736–1807) продолжала жить на Мартинике, пользуясь почетом и уважением со стороны властей и местного населения. Есть также сведения, что и к своим рабам аристократка относилась достаточно милостиво. Тем не менее, она чуть не стала жертвой преступления, совершенного приближенной к ней рабыней (*métive* – метиской). По данным биографа Ж. Г. Абри, эта рабыня по имени Эмилия должна была получить свободу по завещанию госпожи [\[2, p. 20\]](#). Желая ускорить этот момент, рабыня пошла на совершение убийства: 3 июня 1806 г. она попыталась умертвить госпожу, подсыпав ей толченого стекла в тарелку с горохом. Во время трапезы мадам де Ла Пажери обнаружила опасность, так что трагедии не произошло. Началось расследование, продолжавшееся всего несколько дней в июне с соблюдением необходимых формальностей. Помимо Эмилии были арестованы и допрошены также служащие правительственного дворца негры Тереза и Жозеф, подозреваемые в соучастии. Для суда над ними был составлен специальный трибунал. В него вошли: командир эскадрона К. О. Л. Мотте (председатель трибунала), командующий жандармерией; С. де Крозан, комиссар-командир прихода Форт-де-Франс; Т. Р. Гарнье Ларош, заместитель комиссара прихода; Ж. Шампен, старший хирург военного и морского госпиталя Форт-де-Франс; К. Ф. Сен-Феликс, капитан жандармерии и докладчик по делу; П. Ф. Депаз, секретарь трибунала. Трибунал вынес приговор 9 июня 1806 г. По результатам проведенного следствия, очных ставок и судебных слушаний рабыня Эмилия была признана виновной в покушении на отравление и лишение жизни своей госпожи; негритянка Тереза была оставлена в подозрении, и в отношении нее следовало вести более широкое расследование; негр Жозеф был оправдан. Наказание виновной рабыне было определено в соответствии с арт. XXXIV Постановления от 24 плювиоза XII г. Р., который предписывал карать смертью не только совершенное путем отравления убийство, но и равным образом покушение на него, сопровождавшееся явными приготовлениями к преступному деянию. Эмилия была приговорена к сожжению заживо в самом видном месте города с последующим развеянием ее праха по ветру. Казнь должна была быть совершена в течение двадцати четырех часов с момента вынесения приговора [\[7, f. 210-212v\]](#), [\[8, f. 174-176v\]](#). Следует заметить, что во Французской метрополии в то время

использовался другой, более «гуманный» вид смертной казни – отсечение головы на гильотине, а для наказания военных – расстрел. Очевидно, что квалифицированная казнь в виде сожжения была предназначена для рабов в соответствии с традициями Старого порядка.

В целом в качестве специального трибунала на Мартинике предстает чрезвычайный суд, созывавшийся от случая к случаю и наделенный широкой карательной властью. Обратимся, однако, к опыту организации специальных трибуналов во Франции эпохи Консулата, чтобы понять, насколько колониальный суд походил или отличался от судов с таким же названием, которые были учреждены в метрополии в 1801 г.

Следует обратить внимание, что в акте о создании специального трибунала колонии 1803 г. не содержалось отсылок к закону об учреждении специальных трибуналов во Франции. Это сразу порождает сомнения в заимствовании института метрополии. Еще большие сомнения возникают при обращении к составу и компетенции указанных трибуналов Франции. В соответствии с Законом от 18 плювиоза IX г. Р. (7 февраля 1801 г.), в состав трибунала входило восемь судей: трое из местного уголовного трибунала департамента (председатель и двое судей); трое военных в чине не ниже капитана и двое штатских лиц, обладавших качествами, позволявшими быть судьей. Эти пять судей должны были назначаться первым консулом. Поскольку уголовные судьи из департаментских трибуналов по Конституции 1799 г. также назначались только первым консулом, по сути, весь состав специального трибунала определялся главой правительства. В качестве комиссара правительства и секретаря при этом трибунале должны были выступать соответствующие должностные лица уголовного трибунала в департаменте [\[11\]](#). Как видно из указанного списка, состав специального трибунала метрополии не совпадал с составом трибунала колонии (восемь судей против пяти). В трибунале колонии отсутствовали профессиональные судьи из местного уголовного суда, зато первенствующую роль играли представители жандармерии. Тем не менее, можно видеть нечто общее в смешанном составе трибуналов: в обоих случаях в одном суде должны были участвовать военные и штатские лица. Только в трибунале метрополии председателем являлось штатское лицо, а в трибунале колонии – военное (командир жандармерии). В дополнение к специальным трибуналам 1801 г. в метрополии была введена в следующем году вторая их разновидность (по Закону от 23 флореала X г. Р. (13 мая 1802 г.)). В состав такого специального трибунала входило уже шесть судей и только штатские: трое из уголовного департаментского трибунала (председатель и двое судей), еще трое из гражданского трибунала первой инстанции (председатель и двое судей). При необходимости они могли быть замещены своими заместителями [\[12\]](#). Состав данных специальных трибуналов еще более отличался от состава трибунала колонии.

В плане компетенции специальные трибуналы в метрополии, образованные в 1801 г., должны были рассматривать дела, различавшиеся по качеству обвиняемых лиц и по природе совершаемых преступлений. По качеству обвиняемых лиц ведению трибуналов подлежали дела только двух категорий: бродяг или «людей без признания» (*gens sans aveu*), совершивших преступление, и преступников, отбывавших мучительное наказание и совершивших преступление во время побега, а также сам факт бродяжничества (*vagabondage*) или побега осужденного преступника. Преступное деяние, совершенное обеими категориями, должно было быть таким, которое наказывалось мучительным или позорящим наказанием (т. е. должно быть достаточно опасным). По природе преступления и вне зависимости от качеств субъекта правонарушения круг ведения специальных трибуналов определялся довольно широко. К их юрисдикции относились: кражи на больших дорогах, насилия и другие отягчающие обстоятельства при

совершении правонарушения; кражи, совершенные в сельской местности и в деревенских жилищах и постройках со взломом, или с применением оружия, или группой лиц по меньшей мере из двух человек; поджоги; фальшивомонетничество; убийства, подготовленные «вооруженными толпами» (*attroupemens armés*); угрозы, бесчинства и насильственные действия против приобретателей национальных имуществ (из-за их приобретений); подстрекательство к дезертирству и мошеннические действия, совершенные вне армии и невоенными лицами с целью подкупа или совращения военных лиц, мобилизованных солдат (*réquisitionnaires*) или конскриптов; участие в мятежных собраниях, когда преступники были схвачены на месте собрания. Специальный трибунал был уполномочен расследовать также преднамеренные убийства, но совместно с обычным трибуналом. В случае, если помимо указанных преступлений в процессе разбирательства будут выявлены другие правонарушения, специальный трибунал обязан был судить и эти факты, какова бы ни была природа данных нарушений. В этом смысле судебная компетенция новых трибуналов носила неограниченный характер и могла распространяться на уголовные дела, подсудные другим судам [\[11\]](#).

Другие специальные трибуналы метрополии, учрежденные дополнительно в 1802 г., должны были вести дела по таким составам преступных деяний, как контрафакция или подделка государственных ценных бумаг, государственной печати, национального штампа (*timbre national*), пробирного клейма для золота и серебра, правительственных знаков, помещаемых на товарах; в целом – любого преступления по подделке публичного или частного документа или использованию заведомо фальшивых бумаг [\[12\]](#) (см. также: [\[1, с. 337–341\]](#)).

Сравнение компетенций судов в метрополии и специального трибунала в колонии показывает, что компетенция трибуналов метрополии была намного шире, чем колониального суда. По качеству обвиняемых лиц определенное пересечение компетенции можно констатировать лишь на последнем этапе развития специального трибунала на Мартинике в 1806–1809 гг., когда его ведению стали подлежать свободные лица без места жительства и признания. В том же, что касается рабов и свободных цветных людей, совпадений не было, и суд над такими лицами составлял оригинальную компетенцию колониального трибунала. По природе совершаемых преступлений можно видеть наличие сходных составов преступлений в судах метрополии и в специальном трибунале Мартиники, таких, как поджог, подстрекательство к дезертирству, участие в мятежных собраниях. Однако в ведение трибунала колонии входили такие специфические составы, как отравление, похищение лодок и пирог с целью совершения побега (но не убийство или кража как более общие составы), мятеж в отношении белого человека и нанесение ему удара. При этом большую часть составов преступлений, входивших в юрисдикцию специальных трибуналов метрополии по актам 1801 и 1802 гг., трибунал Мартиники не расследовал. Все это свидетельствует в пользу несомненной оригинальности колониального суда.

Вместе с тем можно видеть коренное сходство в природе данных судебных учреждений. Как и суды метрополии, специальный трибунал колонии действовал как чрезвычайный орган правосудия: по ускоренной процедуре, без обвинительного жюри для выдвижения обвинения и без малого жюри присяжных для вынесения вердикта о судьбе обвиняемого; без возможности обжалования приговора. Чрезвычайный характер данных судов подчеркивался также наполовину военным, наполовину штатским составом специальных трибуналов метрополии (1801 г.) и колонии.

Проведенное исследование показывает изменения в компетенции специального

трибунала Мартиники в сторону ее расширения – на протяжении трех этапов в 1803–1809 гг. Из органа репрессии исключительно для рабов он постепенно превратился в чрезвычайный суд для рабов и для свободных цветных людей, а затем и для любых бродяг без места жительства и признания. К его ведению стали относиться опасные преступления государственного характера. Не поддерживая идею полного заимствования данного института из судебного права метрополии, тем не менее, можно усмотреть в организации специальных трибуналов некоторые общие тенденции в развитии судебных систем Франции и ее колоний в начале XIX столетия. Они определялись, с одной стороны, военным характером Наполеоновской эпохи, требовавшим принятия чрезвычайных мер и усиления уголовной репрессии. С другой стороны, они провоцировались потребностями французского государства в разрешении социальных коллизий, когда уголовная юстиция использовалась для борьбы с бродяжничеством и бандитизмом на территории метрополии и для сдерживания протестного движения негров-рабов в колониях. Результатом стало создание альтернативного правосудия в виде специальных трибуналов. Они могли решать задачи уголовного производства более быстро и эффективно, чем это делали суды общей юрисдикции, хотя и в нарушение процессуальных прав, установленных в прежний революционный период.

Библиография

1. Кричевцев М. В. Специальные трибуналы в судебной системе эпохи Консулата: из истории военно-судебного права Франции XVII – начала XIX в. // Право и экономика: национальный опыт и стратегии развития. Сб. ст. по итогам IV Новосиб. междунар. юрид. форума. Новосибирск: НГУЭУ, 2023. Ч. 1. С. 334–348.
2. Abry J. G. Essai biographique sur Madame Tascher de La Pagerie... . P.: Mme v. Galpin et Guesnon, 1856. 24 p.
3. ANOM. COL C8 A 107 F 112
4. ANOM. COL C8 A 107 F 188
5. ANOM. COL C8 A 107 F 198
6. ANOM. COL C8 A 109 F 202
7. ANOM. COL C8 A 112 F 210
8. ANOM. COL C8 A 114 F 174
9. ANOM. COL C8 A 115 F 51
10. ANOM. COL C8 A 115 F 259
11. Bulletin des lois de la République française. Sér. 3. P.: De l'Imprimerie de la République, an IX. T. 2. Bull. 68. № 527.
12. Bulletin des lois de la République française. Sér. 3. P.: De l'Imprimerie de la République, an XI. T. 6. Bull. 190. № 1574.
13. Code de la Martinique. Nouv. éd., par M. Durand-Molard. Saint-Pierre (Martinique): De l'Imprimerie de J.-B. Thounens, fils, 1811. T. 4. 916 p.
14. Code de la Martinique. Nouv. éd., continuée par M. Dufresne de St-Cergues. Saint-Pierre (Martinique): De l'Imprimerie de J.-B. Thounens, fils, 1814. T. 5. 880 p.
15. Daney S. Histoire de la Martinique depuis la colonisation jusqu'en 1815. Fort-Royal: E. Ruelle, imprimeur, 1846. T.6. 434 p.
16. Debbasch Y. Opinion et droit: Le crime d'empoisonnement aux Iles pendant la période esclavagiste // Revue française d'histoire d'outre-mer. 1963. T. 50, № 179, trimestre 2. P. 137-188.
17. Dictionnaire des arrêts modernes. Par M. Loiseau. P.: Aux Archives du droit français,

- Chez Clament frères, libraires-éditeurs, 1809. T. 2. 655 p.
18. Le Code Noir ou Edit du Roy, servant de reglement pour le Gouvernement & l'Administration de Justice & la Police des Isles Françaises de l'Amerique, & pour la Discipline & le Commerce des Negres & Esclaves dans ledit Pays. Donné à Versailles au mois de Mars 1685. P.: Chez C. Girard, 1735. 14 p.
  19. Louis A. A. Les libres de couleur en Martinique des origines à 1815. Thèse pour le doctorat en Histoire. L'Université des Antilles et de la Guyane, 2011. 790 p.
  20. Maillard B. Le tribunal spécial de la Guadeloupe et Dépendances, 1803–1806 // Annales historiques de la Révolution française. 2018/4, № 394. P. 51–78.
  21. Mignot, Dom A. Le droit romain et la servitude aux Antilles // Bulletin de la Société d'Histoire de la Guadeloupe. 2001. № 127–128. P. 25–46.
  22. Moitt B. Women and Slavery in the French Antilles, 1635-1848. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 2001. 238 p.
  23. Nicolas A. Histoire de la Martinique. Des Arawaks à 1848. P.: L'Harmattan, 2016. T. 1. 418 p.
  24. Trani L. La Martinique napoléonienne 1802–1809. Entre ségrégation, esclavage et intégration. P.: Éditions SPM, 2014. 420 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

История Франции богата как на героические свершения, так и на трагические неудачи. Помимо богатого военного прошлого Франция являлась одной из крупнейших колониальных держав, одно время весьма удачно соперничавшая с признанной владычицей морей Великобританией. Однако и тут цепочка неудач привела к крушению первой колониальной французской империи, почти окончательно исчезнувшей в годы наполеоновских войн. А между тем Французская Гвиана, Гаити и ряд Антильских островов были в известной мере успешными колониальными проектами, в силу ряда причин не справившихся с социально-политическими трудностями конца XVIII в.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является эволюция специального трибунала в период французского правления на Мартинике. Хронологические рамки исследования охватывают период от учреждения суда в 1803 г. до потери французами контроля над Мартиникой в 1809 г. Автор ставит своими задачами «рассмотреть основные нормативно-правовые акты 1803–1809 гг., связанные со специальным трибуналом колонии; определить состав суда и порядок производства дел в трибунале; выявить этапы в становлении его компетенции; провести сравнительный анализ со специальными трибуналами метрополии 1801 и 1802 гг.»

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. В работе также используется сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать правовые основы организации специального трибунала на Мартинике и выявление его особенностей по отношению к специальным трибуналам метрополии. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего в список литературы входят свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежных материалов на французском и английском языках. Источниковая база статьи представлена документами из фондов Национальных архивов заморской Франции, актов администрации острова, собранные в «Кодексе Мартиники» и т.д. Из используемых исследований отметим труды французских авторов А. Николя, Л. Трани и других специалистов. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований в известной мере способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как французской колониальной системой, в целом, так и правовой системой в колониях, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «в условиях социальной нестабильности и постоянной внешней угрозы со стороны Великобритании колониальное руководство Мартиники вынуждено было использовать особые средства для подавления рабов, в том числе органы юстиции», среди них был и специальный трибунал. Автор подробно останавливается на правовом статусе раба во французских колониях, обстоятельства создания и изменения в компетенции специального трибунала Мартиники. В работе показано, что «из органа репрессии исключительно для рабов он постепенно превратился в чрезвычайный суд для рабов и для свободных цветных людей, а затем и для любых бродяг без места жительства и признания».

Главным выводом статьи является то, что специальный трибунал из органа репрессии исключительно для рабов «постепенно превратился в чрезвычайный суд для рабов и для свободных цветных людей, а затем и для любых бродяг без места жительства и признания».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».